

ОТЧУЖДЕНИЕ: РОЛЬ СТЫДА В СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ

Е. А. Солодка

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
кафедра философии,
ул. П. Бровки 6, Минск, Республика Беларусь
e-mail: lenasol11@tut.by

Стыд как регулятор отношений, позволяет адаптироваться к социальной реальности и игнорировать формы отчуждения, описанные Марксом.

Ключевые слова: Маркс; отчуждение; адаптация; эмоции; стыд.

THE DEPRIVATION: THE ROLE OF SHAME IN SOCIAL DYNAMICS

E. A. Solodkaya

Belarusian State University of Computer Science and Electronic Engineering,
Department of Philosophy,
str. P. Brovki 6, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: lenasol11@tut.by

Shame as a regulator of relations, allows you to adapt to social reality and ignore the forms of alienation described by Marx.

Keywords: Marx; alienation; adaptation; emotion; shame.

Маркс, когда намеренно, а когда – непроизвольно, стал автором многих «мемов». Его концепты обрели массовую известность. Как журналист, он мог бы этому радоваться. Да и для философа, который решил «не описывать, а изменять мир» – это хороший знак. Его философское наследие живет, плодоносит, образует гибриды и новые направления. Воплощая истинность законов диалектики, марксизм подпитывается своими «антезисами», которые не губят, но развивают и укрепляют его.

Так, понятие «отчуждение», появившееся уже в его ранних работах, вписанное в марксистскую онтологию и обладающее всеми ее основными чертами, в XX веке воплотилось в разных схемах и моделях, обросло новыми качествами и свойствами. Его классические четыре вида отчуждения (от природы, от рода, от другого человека и от человеческой сущности) – выражающие материализм (экономический детерминизм) и социологизм Маркса, описывали зарождающиеся капиталистическое общество.

Человек, писал Маркс, «в качестве рабочего он обладает лишь теми человеческими свойствами, которые нужны *чуждому* для него капиталу. (...) Поэтому, как только капиталу вздумается – в силу необходимости или произвола – перестать существовать для рабочего, сам рабочий перестает

существовать для себя: у него *нет* работы, а потому *нет* и заработной платы, и так как он обладает существованием не *как человек*, а *как рабочий*, то его спокойно можно похоронить, дать ему умереть с голоду и т.д.». [1, с. 100]

Антигуманизм капиталистических отношений – общее место марксизма. «Заработная плата имеет то же смысл, что и *содержание, сохранение в исправности* любого другого производительного инструмента... как смазочное масло, применяемое для колес, чтобы поддерживать их движение». [1, с. 100] в них человек превращается в «обладающий сознанием и самостоятельной деятельностью» товар.

Как всякий философ Маркс конструировал свою картину мира. Его талант публициста позволил описать ее ярко, эмоционально, контрастно. Более того, он хотел не только описывать, но и изменять. Однако, оказалось, что любое изменение требует «ориентировки на местности», т.е. описания – карты, и весь XX век философы разбирались – как же составлять эту карту, как и какой язык использовать (так называемый «лингвистический поворот»). В конечном счете, до территории дело так и не дошло. Капитализм жив и поныне. Худо бедно все к этому уже привыкли. Отчуждение стало нормой и мы, каким-то образом, к этой норме адаптировались. Мы научились выживать в существующей социальной среде. Как, каким образом это происходит, предлагаю сейчас рассмотреть.

Мы привыкли, что всю нашу жизнь мы что-то производим и потребляем: производим хорошее впечатление, товары массового (или элитарного) спроса, отходы жизнедеятельности в конце концов. Потребляем (в более мягком варианте – используем), хорошее к себе отношение, те же товары народного потребления и различные источники поддержания жизни (пищу, одежду, кров, медицинское обслуживание и т.д.). Мы постоянно находимся в этом рыночном круговороте и воспринимаем его как естественный жизненный фон.

Однако все это происходит не так уж спонтанно, не без нашего участия. Наше сознание и наши тела – продукт и двигатель рыночной экономики. Мы с ней находимся во взаимообусловленной зависимости. Без нас не было бы ее, без нее не было бы нас (такими, какие мы есть). Но пока мы потребляем – это незаметно (нам некогда отвлекаться на такие детали). А если по какой-то причине мы перестаем быть активными потребителями (различные виды социальной изоляции – тюрьма, душевные расстройства, просто платежная недееспособность) – эта зависимость также выпадает из нашего поля зрения.

Эффект определенной оторванности, отстраненности человека от своей внутренней и внешней жизни Карл Маркс назвал *отчуждением*, и выделил его четыре вида.

1. Отчуждение человека от продуктов труда и средств производства и – шире – от природы. Далеко не всегда нам принадлежат те инструменты

(здания-помещения, станки-оборудования, технологии- программное обеспечение), которые мы используем в работе. А даже если мы подкопили денег и приобрели эти недешевые вещи в собственность, нужно их еще как-то обслуживать, а вещи эти сложные и требуют специального ухода, т.е. специалистов, т.е. дистанция между нами и средствами производства становится все больше и больше. Кроме того, мы производим вещи не для собственного потребления, а на продажу, т.е. для обмена на деньги.

2. Отчуждение от процесса труда – когда он нужен не сам по себе, а для удовлетворения в первую очередь физиологических (животных) нужд. Таким образом, труд не возвеличивает, а унижает.

3. Отчуждение от своей природы («родовой сущности») – способность творить отличает человека от животного, но капиталистически отношения сводят возможность творчества к минимуму.

4. Отчуждение между людьми – результат конкуренции за рабочее место.

Маркс описывает отчуждение нас – от мира и мира – от нас, где мы становимся чужими для самих себя. Преодолеть это, можно изменив мир, который нас такими делает. Для этого необходимо вернуть свою активность, влияние – субъектность.

XIX век был веком романтизма, но, с тех пор, энтузиазм поутих. Оказалось, что не все так просто. И появилась новая форма отчуждения – отчуждение от чувств, сигнализирующих о наличии этого самого отчуждения. Имплицитно был предложен новый вариант комфортной жизни: если мир изменить слишком сложно, а себя лень – нужно убрать чувство, сигнализирующее об их разбалансировке – стыд.

Когда мы делаем что-то не то, мы испытываем стыд. Это чувство – чувство неловкости, стеснения, сигнал, что мы не вписываемся в какие-то нормы и должны изменить свое поведение. Или, как вариант, изменить ситуацию. Однако, в ситуации выученной беспомощности (или социальной аномии, как сказал бы Дюркгейм) предпочтительным становится третий вариант: отчуждение от собственного стыда. Если стыда нет, значит все в порядке и меняться самому или менять что-то вокруг себя – не надо. Есть стыд – есть неправильное поведение, не стыда – все хорошо.

Маркс считал, что, лишаясь своей родовой сущности, человек становится животным – он лишь механически удовлетворяет свои животные потребности и это делает его несчастным. Но так считал Маркс. Современность открыла, что животные потребности можно удовлетворять самым разнообразным способом и в этом и есть счастье. Можно очень разнообразно питаться, одеваться, украшать жилище, заниматься сексом. Главное делать это, не вникая в содержание происходящего, не углубляясь в себя и в свои отношения с окружающими. Стыд же, как социальное чувство, прерывает это скольжение по поверхности, снимает

психологическую анестезию и разблокирует экзистенциальный уровень бытия.

Таким образом, вопрос отношения к стыду становится краеугольным камнем культуры. Если раньше было стыдно не стыдиться, то сейчас стыдно быть «нестыдным». Но отчуждение от своих эмоций, в частности от стыда – означает, что наш контакт с окружающим миром и нами самими – неполный. Мы лишаемся важной информации, регулирующей наши отношения с другими, лишаемся собственной субъектности.

Библиографические ссылки

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Т.42. М.: Издательство политической литературы, 1974. – 485 с.